

В.Д. ЧЕРНЫЙ

АРХИТЕКТУРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В ЛИЦЕВОМ ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ XVI ВЕКА

Лицевой летописный свод XVI века как исторический источник был открыт известным советским ученым А.В. Арциховским¹ сравнительно недавно, хотя изучение этого памятника продолжается уже два столетия². В своей работе «Древнерусские миниатюры как исторический источник» А.В. Арциховский, убедительно доказав реальность изображенных там предметов материальной культуры, тем не менее скептически отнесся к изображениям архитектуры, считая, что в миниатюрах найти «реальные виды древнего Новгорода или древней Москвы нельзя». Исключения, по его мнению, составляют рисунки крепостных сооружений Кремля и наиболее известных культовых построек³.

Выводы А.В. Арциховского о недостоверности большинства рисунков архитектурных сооружений в Лицевом летописном своде вызвали возражения рецензентов его работы⁴. Тем не менее и в последующее время миниатюры свода очень редко использовались при изучении памятников архитектуры, в том числе Кремля. К одной из миниатюр Царственной книги Лицевого свода обращалась искусствовед Т.А. Сидорова, выясняя внешний вид деревянной звонницы на Соборной площади⁵. Историк А.И. Михайлов с помощью той же Царственной книги пытался восстановить облик колокольни Ивана Лествичника до перестройки 1600 года⁶.

Заметным явлением в изучении архитектуры по данным Лицевого свода стали работы доктора исторических наук О.И. Подобедовой⁷, центральное место в которых отводится самым известным кремлевским постройкам. По заключению автора, «реальные формы архитектуры присутствуют на страницах Свода, начиная с первой миниатюры»⁸.

Доказав реальность изображений архитектуры в Лицевом своде, и в частности отдельных кремлевских сооружений, исследователи решили важный вопрос о возможности использования миниатюр Свода для изучения архитектуры. Тем не менее оставался широкий круг нерешенных проблем. Требуют дальнейшего изучения особенности изображения архитектуры в миниатюрах. Не может в полной мере удовлетворить и методика исследований, когда в поле зрения авторов попадают лишь выборочные рисунки, где реальность изображений не вызывает сомнений. Иногда недостаточно учитывается зависимость изображений от содержания летописного текста под ними.

Настоящая статья представляет собой попытку восполнить некоторые пробелы в исследовании перечисленных выше вопросов. Для работы над темой были привлечены изображения кремлевских построек из четырех томов Лицевого свода⁹, созданных в 70-х годах XVI века¹⁰. Летописное изложение охватывает период русской истории до 1533 года. Однако не все кремлевские постройки могут быть рассмотрены в нашей работе. Основным объектом изучения станут кремлевские соору-

1. Миниатюра Шумиловского тома,
л. 29

жения конца XV — начала XVI века, то есть времени складывания архитектурного ансамбля Московского Кремля.

Изображения архитектуры в Лицевом своде непосредственно связаны с упоминанием в летописном тексте города, монастыря или отдельной постройки. Между тем художник ставит перед собой задачу сделать миниатюру «читаемой» и без текста, отчего рисунки становятся подробными и выразительными.

Как справедливо отмечал А.В. Арциховский, города в миниатюрах «прочно ассоциируются с их стенами»¹¹. Однако большинство крепостных сооружений не наделены индивидуальными особенностями. Реальными чертами отличается только Московский Кремль в период строительства 1490-х годов. Воссоздать же по миниатюрам Кремль 1367 года невозможно, так как большинство рисунков башен носит стереотипный характер (О—II. 146, 147, 152 об. и др.). Представления о них основаны, вероятно, на устной традиции. Рисунки некоторых башен времени Дмитрия Донского имеют явные признаки реального Кремля 1490-х годов (О—II. 14 об. и др.).

4. Миниатюра Голицынского тома,
л. 885

Фроловская башня, хотя и привлекает наибольшее внимание летописца и соответственно художника, все же не имеет двух одинаковых изображений. Некоторое, правда весьма отдаленное, сходство все-таки есть: ярусность, завершения в виде кивория или «башенки» (Ш. 456, 473). «Башенкой» увенчаны Фроловская, а также и Никольская башни на Петровом, Годуновском и Мериановом планах.

Рисунок Никольской башни (Ш. 444 об.) помимо башеннообразно-го завершения примечателен еще тем, что обнаруживает несомненное сходство с не названными в тексте башнями кремля Дмитрия Донского (О—I. 14 об., Ш. 60), расположение которых соответствует расположению Никольской стрельницы. Сооружения имеют по два идентичных яруса и выносные объемы с проездными воротами. Мелкие различия в изображениях не могут разуверить нас в том, что именно Никольскую башню Кремля художники знали лучше других: от нее начиналась одна из самых больших и оживленных дорог Древней Руси — Сретенская.

Всякое известие о Москве в летописном тексте неизбежно влечет за собой изображение традиционной городской стены и церкви. Большинство церквей пятиглавые. Справедливости ради необходимо отметить, что имеются рисунки одноглавых церквей (О—I. 195 об., 204 об., О—II. 637 об., 678 об., 686, Г. 706). Но этот факт не может иметь решающего значения, так как пятиглавых изображений более ста. Однако считать пятиглавие самой характерной особенностью храма, обозначающего Москву, не приходится, так как пятью главами увенчан храм, отмечающий Новгород, часто Владимир и некоторые другие города. Индивидуальной чертой церкви, изображение которой связано с упоминанием Москвы, художник считает четырехчастное членение фасада на прясла, пересекающиеся горизонтальными линиями, обозначающими, видимо, аркатурно-колончатый пояс (О—I. 579 об., О—II. 160 об., 637 об.). Рисунки этих церквей находят близкие аналогии с многими изображениями Успенского собора в Кремле (О—I. 520 об., О—II. 688 об., III. 311 и др.), отличающимися большей сложностью. Так, на Успенском соборе вместо вертикальных линий рисуются «лопатки» или выводятся колонны, то есть открывается интерьер.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что Москва у древнерусского художника XVI века ассоциировалась с ее Успенским собором.

Когда в тексте говорится непосредственно об Успенском соборе, внимание миниатюриста, как уже было сказано, обостряется и изображение становится более подробным и правдивым. Несмотря на то, что художник очень часто подменяет древние сооружения современными ему¹², все-таки в некоторых случаях во времена, близкие к постройкам, облик собора меняется. Например, Успенский собор 1326 года изображается каменным трехглавым (О—I. 299 об.), незадолго до возведения храма 1475 года — одноглавым (Г. 729 об., 730, III. 29) (илл. 1). Таким образом, художник внешним видом постройки пытается убедить читателя в том, что описанные события происходили в другую историческую эпоху.

Нередко в миниатюрах, изображающих Москву, рядом с «храмом-символом» — Успенским собором — помещается Ивановская колокольня. А.В. Арциховский считал, что попытка увидеть в них Ивановский столп основана на недоразумении¹³. Тем не менее немало таких же изображений, которые конкретно называются церковью Иоанна Лествичника, «иже под колоколы» (О—I. 329, III. 691 об.). Во всех случаях это столпообразная ярусная постройка. В некоторых рисунках она изображена в виде двухъярусной «плоской» звонницы (О—I. 637, О—II. 160 об., III. 30 и др.), в других — трехъярусной, объемно-шестигранной (О—I. 329, 493 и др.) (илл. 2). Такой Ивановская колокольня чаще всего рисуется, будучи упомянутой в тексте.

Не исключено, что при достройке столпа в 1600 году разобрана была только главка, после чего ее сделали выше и шире, поместив барабан непосредственно на плоскость восьмигранника третьего яруса¹⁴.

Изображения Благовещенского собора в гораздо меньшей степени отмечены индивидуальными особенностями. Иногда собор одноглавый

(О—П. 664 об., 1404 г.), иногда пятиглавый (Ш. 421 об., 1489 г.), хотя известно, что пятиглавым (не считая еще четырех глав приделов, пристроенных в 1564—1566 гг.¹⁵) собор стал в 1560-е годы¹⁶. На последней из указанных миниатюр художник выделяет высокий подклет, подчеркивая тем самым одну из особенностей Благовещенского собора.

Наибольший интерес художников вызывает усыпальница великих московских князей — Архангельский собор. В летописи нет описания его внешнего вида, однако миниатюристы с особым старанием вырисовывают характерный элемент постройки — «раковины». Таких изображений большинство (О—И. 205, 352 об., 409 об., 548 об., О—П. 69,337 об., 841, 846, Г. 393, 533, 719 об. и др.). «Раковины» отсутствуют только в Шумиловском томе, где описаны события второй половины XV — первой трети XVI века. Между тем только храм 1505—1508 годов имеет те особенности, которые «навязываются» Архангельскому собору всех времен. Некоторые рисунки собора усложняются введением акротериев, завершающих закомары (О—1.205,352 об.) (илл. 3). Иногда под закомарами показаны круглые окна (О—И. 550, О—П. 846 об., Г. 888 об.), что свидетельствует о хорошем знании архитектурных деталей сооружения. Почти всегда в изображениях собор пятиглавый. Исключения составляют миниатюры: О—1.415 — одноглавый; О—1.282 об. и Ш. 642 — трехглавый (накануне построек новых соборов, соответственно в 1325 и 1504 гг.). Приделы изображались только тогда, когда о них говорилось в тексте.

Исключительно последовательно воспроизводят художники одну и ту же архитектурную деталь другого сооружения Алевиза Нового — церкви Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот, построенной в 1508 году и просуществовавшей до 1847 года¹⁷. Внешний вид строения дошел до нас в рисунках XVIII — первой половины XIX века. Сразу бросается в глаза двухъярусная главка. Этот прием обычно приписывается архитектуре конца XVII—XVIII века. Между тем «структура двух глав» фиксируется еще художниками XVI века (Г. 885, Ш. 691 об., 695) (илл. 4, 5). При этом церкви имеют разное количество окон, различный характер покрытий (Г. 885 — «щипцы»; Ш. 691 об. — четырехскатное; Ш. 695 — позакомарное). Формы алевизовской постройки переносятся и на церковь, стоящую с 1461 года до пожара 1493 года.

Другие постройки Алевиза Нового передаются в миниатюрах более схематично и неопределенно. Так, церковь Николы Гостунского 1507 года имеет одну главу, непонятного вида покрытие, странные «кубики» окон, помещенные над порталом (Ш. 668 об.). Собор Вознесенского монастыря показан и с одной главкой (Г. 854, 905), и с тремя (Г. 901 об., 908, Ш. 631 об.), и с пятью (О—П. 880), хотя преобладают изображения трехглавых сооружений. Другие особенности храма не выделяются.

Невдалеке от Предтеченской находилась церковь Спаса на Бору. Многочисленные рисунки одноглавой церкви (О—И. 411, 415, О—П. 446 об., 606 и др.) в наиболее ответственных местах, где говорится о ее возведении и о строительстве притвора, сменяются изображениями трехглавых храмов (О—И. 342, 449). Не исключено, что храм имел именно

три главы, а не одну, как принято считать (следует учесть, что он был заново отстроен в XVIII веке¹⁸, да и в предыдущее время неоднократно горел и перестраивался¹⁹).

Гражданские сооружения, в отличие от культовых, встречаются в миниатюрах Лицевого свода почти на каждой странице в виде фона, но не являются показателем места происходящих событий. Формы светских зданий не сдерживались канонами, как культовые постройки, поэтому изображения зачастую были более вольными. Все это вело к обезличиванию рисунков светской архитектуры. Даже названные в тексте сооружения, такие, как Грановитая палата (Ш. 408, 455), рисуются без стремления воспроизвести действительный облик постройки. Правда, иногда при изображении гражданской архитектуры художники используют особенности изображения церквей, то есть показывают наиболее характерный, по их мнению, элемент того или иного сооружения. Примером этого может служить палата, на фоне которой очень часто изображался великий князь. Возможно, имеется в виду одна из палат великокняжеского дворца, вероятнее всего — Набережные палаты. Характерной деталью сооружения является башенка над палатой в миниатюрах Шумиловского тома (Ш. 121, 312 об., 412 об., 498 об., 541, 584 об., 592 об., 598 и др.). И башенка и сама палата изображены по-разному и весьма схематично. Гораздо большую информацию дает изображение трех каменных келий митрополита Зосимы на митрополичьем дворе. Особенно подробно показана палата, расположенная на первом плане и представляющая собой трехэтажное здание с высоким подклетом и лестницей, ведущей на гульбище (Ш. 499) (илл. 6).

По мнению некоторых исследователей, над миниатюрами работала бригада «митрополичьих» мастеров²⁰. Не исключено, что местом их работы был двор митрополита.

Своеобразно изображают миниатюристы строителей кремлевских сооружений. Итальянские мастера обычно старательно «отгораживаются» художниками от православного царя: постройку царю представляет русский «управляющий», а зодчие располагаются по другую сторону стены (Ш. 291, 409, 432 об. и др.).

При всей подробности миниатюр Лицевого летописного свода XVI века, столь скрупулезно иллюстрировавших летописный текст, можно говорить о творческом начале, лежащем в основе изображений архитектуры. Художники не пытаются полностью перенести на условный живописный язык своего времени известные им постройки, а воспроизводят только «образ» памятника, выделяя наиболее характерные его детали. Представления о сооружениях, не дошедших до художников, основываются, вероятнее всего, на устной традиции.

Текст определяет основные направления работы мысли миниатюриста: упоминание Москвы прочно ассоциируется с Успенским собором, рассказ о том или ином сооружении заставляет сделать акцент именно на этом памятнике, сведения о перестройках — воссоздать постройку, предшествующую современной.

В целом миниатюры Лицевого летописного свода содержат ценнейшую информацию о внешнем виде некоторых кремлевских архитектур-

ных сооружений в XVI веке и о восприятии архитектуры русскими средневековыми художниками.

¹ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

² Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 7061, напечатан с письменного, который сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. Спб., 1769; Буслаев Ф.И. Для истории живописи XVI века. — В кн.: Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 2. Спб., 1861; Щепкин В.Н. Два лицевых сборника исторического музея.— «Археол. изв. и заметки». М., 1897, т. 5, № 4; Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, т. 1. Спб., 1899; Пресняков А.Е. Московская энциклопедия XVI века. Спб., 1900.

³ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник, с. 104.

⁴ Воронин Н.Н. Рец. на кн.: Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. — «Вести. АН СССР», 1945, № 9; Рыбаков Б.А. Окна в исчезнувший мир. — «Докл. и сообщ. Ист. фак., МГУ». М., 1946, вып. 4.

⁵ Сидорова Т.А. Реалистические черты в архитектурных изображениях древнерусских миниатюр.— Архитектурное наследство, № 10. М., 1968, с. 98—100.

⁶ Михайлов А.И. Колокольня Ивана Великого¹ в Московском Кремле. М.,

⁷ Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965; Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972

⁸ Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей, с. 177

⁹ Из десяти дошедших до нас томов Лицевого летописного свода XVI в. шесть относятся к русской истории. Последний из «русских томов» - Никоновская летопись с рисунками, изложение которой доведено до 1567 г., - имеет исправленную копию, Царственную книгу (текст охватывает 1533-1555 гг.). Предлагаются следующие сокращения и шифры использованных в работе томов: Остермановский первый (БАН, ОР, 30.7.30) – далее: О-I; Остермановский второй (БАН, ОР, 30.7.30) – далее: О-II; Голицынский (ГПБ, ОР, F.IV.225) – далее: Г.; Шумиловский (ГПБ, ОР, F.IV.232) – далее: Ш

¹⁰ Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, с. CLXXXVI; Сизов Е.С. К вопросу о датировке Шумиловского тома Лицевого летописного свода XVI века. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 126—140.

¹¹ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник, с. 74.

¹² Там же, с. 104; Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей, с. 172.

¹³ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник, с. 104.

¹⁴ Михайлов А.И. Колокольня Ивана Великого в Московском Кремле, с. 49.

¹⁵ По наблюдению С.О. Шмидта над Царственной книгой Лицевого свода, не входящей в материал, привлекаемый В.Д. Черным, на л. 297 об. Благовещенский собор изображен девятиглавым (см.: Шмидт С.О. Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры Царственной книги. — Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 2. М., 1976, с. 10) (примеч. ред.).

¹⁶ ПСРЛ, т. 12, с. 221.

¹⁷ Успенский А.И. Судьба первой церкви на Москве. М., 1901.

¹⁸ Максимов Н.П. К характеристике памятников московского зодчества XIII—XV вв. Собор Спаса на Бору в Московском Кремле. — «Материалы и исследования по археологии СССР». М.—Л., 1949, № 12, с. 209—210.

¹⁹ Извеков Н.Д. Соборный храм во имя Преображения, что на Бору. М., 1913.

²⁰ Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей, с. 135—158.